

Янек невинно считал, что детство у всех счастливое, и другого не бывает. Янеку все люди вокруг казались счастливыми, и он свое счастье находил повсюду. Правда, ребята в школе — бывшей гимназии на Большой Молчановке — считали его выскочкой, везунчиком, но то единственно от мальчишечьей зависти. Нянька любила Янека больше других детей Тверетиновых — посему младшенький. Отец, кажется, тоже любил. Иногда Ян сомневался в отцовской любви, потому не искал ее. Отцова любовь сама его находила, когда Тверетинов-старший вел сына бульваром за газводой, косясь на их белые выходные рубашки и гордясь необыкновенным родовым, фамильным, физиономическим сходством в породистых лицах: в четких изломах бровей, ямочках подбородков, искусно вырезанных ноздрях птичьих носов — копия малого во взрослом и, наоборот.

И город приветствовал Янека. И Родина любила октябренька. И братья-курсанты, без пяти минут офицеры, обожали последыша. И мама отдавала сыну ту любовь, что принято называть безраздельной. Любовь, изливаемую особо бурно во времена охлаждения отношений с мужем, окликаемым ею в такие дни сухо — Тверетинов. В такие дни мама часто спала в сыновней спальне, прижимая к себе счастливого Янека, как плюшевого медвежонка, которого любишь и жалеешь с детства и до часа кончины, даже если ты сам давно вырос и постарел, а верный твой плюшевый друг уже не так мил, не так забавен.

А гимназическая мальчишечья зависть от того и расцветала, что только за Янеком по четвергам к четвертому уроку подъезжала новенькая «Волга» с никелированным оленем на капоте. Только за Янеком приходил адъютант в форме «с иголочки» с офицерской планшеткой, намотанной петлёй кожаной портупеи вокруг запястья, будто пристегнутой наручником. Адъютанты иной раз замещались: привычного Женю сменил Игорь, едва обвыкшегося Игоря — Андрей, а того уже новичок Яша. И ни один больше не возвращался в счастливую Янкину жизнь. И даже когда порученцы перестали носить военную форму, а появлялись в штатском и с подозрительной трубой — черным тубусом или с «Лейкой» вместо кожаного планшета, Ян все равно по особой походке и выправке узнавал в них вояк.

Когда по пути домой порученец и мальчик заезжали по паре адресов, «так папа приказал», со стороны казалось, будто, держась за руки, идут два брата —

старший и младший, из приличной семьи. Казалось, взхлеб обсуждают новость про первый искусственный спутник, про четвертую модель «Аннушки» с долгой выдержкой, улыбаются звенящему столичному дню, бегом, через ступеньку поднимаются на верхние этажи и иногда, игры ради, выходят через черный ход. Там водитель, уже перегнавший машину с улицы во двор, натирает оленя рукавом отжившего цветастого халата, пущенного на ветошь. Адреса Янек со временем запомнил наизусть: Сивцев Вражек, 17, Лялин переулок, 6, бывший доходный дом Панафидиных в Яковоапостольском переулке и еще несколько.

Вот адреса, в отличие от порученцев, не менялись.

В панафидинском доме по случайности пару раз наталкивались на священника в буднем облачении, с громкой одышкой спускавшегося навстречу, суетливо перебирая ступени и собрав в кулак край рясы, а в другом кулаке зажав ключи от только что запертой квартиры наверху. Тучный священник позвякивал пряжками не застегнутых сандалий, при встрече смущался, краснел и держал глаза долу, вероятно, боясь оступиться. И Янеку казалось странным, что его сопровождающий со святым отцом не раскланивался, а своим ключом отпирал ту же дверь, что минутой раньше запер поп. Но мальчик не задавал вопросов, как и не интересовался, почему все дома, в которых их никто не привечал, казались похожими друг на друга чуланной тишиной и нежилой обстановкой.

Убедиться наверняка в той схожести Янеку пока не удавалось. Всякий раз ему предлагали посидеть в коридоре на стульчике, с сиденьем, обтянутым плотной синей тканью. Этот синий стульчик любезно был выставлен в коридор и в Сивцевом, и в Лялином, и в Яковоапостольском, будто выдернут, разрознен из мебельного гарнитура. И все десять-пятнадцать минут ожидания, пока, судя по шороху, спутник Янека возился с какими-то бумагами в комнате за притворенными дверями, не казались мальчику долгими. Потому что каждый раз он сочинял историю навещенного дома.

В Сивцевом, как будто бы, домочадцы уехали к морю и оставили цветы герани на попечение порученца Яши. В Лялином, напротив, жильцы еще не заселились, и предстоит подготовиться к их переезду. А в Яковоапостольском и вовсе невероятное событие. Ян слышал о таком случае, произошедшем где-то в другой стране, но запомнил город с трудным слуху названием.

Он представлял, что тут, в доходном доме Панафидиных, как и в том чужом городе, хозяева во время войны покинули жилплощадь, надеясь вскоре вернуться, но не пришли сюда больше никогда. Квартира казалась давно не отворенной, нежилой, с нетронутыми, много лет не сдвигаемыми с места предметами, сохранившей тот, чей-то, жизнепорядок, оборванный невозвратным хлопком двери. Воздух здесь стоял полный пыли, духоты и сухости газет, исправно пропихнутых почтальоном в прорезь на дверной створке и заботливо сложенных Яшей в несколько ровных пожелтелых пачек на полу коридора.

Желтые газеты будто бы только и ждали звонка в дверь, вдруг прорезавшего тишину, да заливистого пионерского голоса сборщика макулатуры. Но выглянувший в прихожую Яша почему-то не отворил двери и как-то так близко, не сходя с места, взглянул на Янека, что тот вдруг перестал чувствовать ноги, которыми только что болтал, сидя на стуле. Спустя минуту взрослый, улыбнувшись, уже вернулся к своему занятию в комнате. А ребенок на синем стульчике вдруг подумал, что он и его старший товарищ, отворив забытую квартиру, что-то нарушили в чужих правилах.

По истечении пятнадцати минут порученцы всякий раз с озабоченным видом выходили в прихожую, потом, будто вспомнив о присутствии мальчика, тотчас меняли суровую физиономию на панибратски-приветливую. И, выполнив иные предосторожности, снимали цепочку с двери, запирали снаружи замок, вызывали наверх кабинку лифта с деревянными створами, а сами мягкими вкрадчивыми шагами спускались вниз по черной лестнице во двор-колодец.

О том, что мир не равен абсолютному счастью, Янек узнал не от няньки, сетовавшей на старость и маячившую бездомность после грядущей отставки из дома Тверетиновых. Не от мамы, плачущей, кажется, вовсе без причин, о чем ни говори, и снова окликающей мужа по фамилии. Не от отца, появлявшегося домой к утру со взглядом глаз-буравчиков, воспаленных бессонницей как у ночного сторожа. Иная сторона жизни, ее непредсказуемость и жестокость, открылись в один из четвергов и стали неожиданностью не только для мальчика, но и для его спутника.

В дверях квартиры третьего этажа в Яковоапостольском, к которой, как всегда, спеша через ступеньку, прибежали Янек и штатский с тубусом, уже толпился народ. Привалившись к косяку, стоял слесарь с деревянным саквояжем, отороченном ключьями былой роскошной кожаной обивки. Его окружали три тетки такого вида, людей какого вышколенная нянька на порог тверетиновского дома не пускала: что-то вроде прачки, молошницы и дворничихи. Двое служивых орудовали внутри квартиры, не разрешая любопытствующим пересекать коридор и называя их понятиями.

Пока ординарец, словно случайно проходивший мимо студент с братишкой, толкался в дверях и задавал приличествующие случаю вопросы, Янек, заглядывая между ног взрослых и брючно-юбочных завес, рассмотрел валявшийся на боку синий стульчик, край рясы и наперсный крест, зажатый цепью в кулак. Почему-то поразили ноги попа в рыжих не застегнутых сандалиях, плотно сдвинутые в пятках и аккуратно раскинувшиеся носками влево и вправо, как зеркальные крылья бабочки-многоцветницы. Рядом на полу сброшенной кожей змеи вился край толстой веревки. Другой её конец уползал за дверь зала, но казалось, тянуть за него нельзя, потому что потянешь и увидишь что-то дурное, непонятное, обидное, разрушительное, хуже опрокинутого стульчика. Черные одежды, синее сиденье и пол коридора были присыпаны раскрошившейся известкой, как

сахарной пудрой свежая выпечка няньки. Янек поднял мордашку кверху и на месте коридорной люстры над плечом дядьки-слесаря увидел вывороченный из потолка крюк, торчащий грозным согнутым пальцем.

— Видал, записку на газете нацарапал.

— В грехах, должно быть, виноватился.

— Бог его наказал за тайну исповеди.

— Совесть замучила. Совесть — не зуб, не вырвешь.

— Дуры вы, дуры. Бери глыбже — верхи! — слесарь переложил саквояж в левую пятерню и указательным правой тыкнул в потолок парадного.

Тетки задрали головы и уставились на пятно сажи с присохшей посредине обгорелой спичкой. Штатский воспользовался моментом, подхватил за руку оцепеневшего Янека и потащил его к лифту. Когда тетки и слесарь опустили головы, мальчика и студента с тубусом уже не было.

Янека больше не водили в пустующие квартиры Сивцева и Лялина. А в Яковопостольском в «забытую квартиру» на третьем этаже вскоре заселилась семья тихих, малозаметных, неразговорчивых людей, чуравшихся соседей. Они не походили на ошастливленных новеньким ордером жильцов, скорее, на тех, кто потерял надежду вернуться в свою, запертую далеко отсюда жизнь.

Ян после того четверга заболел лихорадкой. Отец проводил возле него всякую свободную от службы ночь. Материны слезы высушила тревога за ребенка, бредившего и поминавшего в горячке рыже-черную бабочку-многоцветницу. Няньку оставили в доме еще на год-два. А когда Янек выздоровел и с усердием принялся нагонять учебу, ординарцам был дан приказ отводить его после школы напрямиком домой, не напоминать мальчику про четверги.

Да только Янек уже не верил ни в звенящий полдень, ни в бульварное солнце, ни в абсолютное счастье. Словно свет потускнел всюду в один час четверга.